

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А.А. Кара-Мурза

РОССИЯ КАК «СЕВЕР»: ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

В статье исследуется вопрос о генезисе и эволюции культурно-цивилизационной самоидентификации крупнейшего русского поэта XX в. Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960). На основе анализа многочисленных материалов автор доказывает, что Борис Пастернак сформировался как «русский северянин», продолжив плодотворную линию в русской культурной традиции, идущую от екатерининской эпохи (Державин) – через золотой век русской культуры (Вяземский – Пушкин – Тургенев) – к русской пореволюционной литературе XX в. О «северянстве» Пастернака многократно свидетельствует он сам в своих автобиографических произведениях «Охранная грамота» и «Люди и положения». «Зимняя тема» доминирует в поэзии и прозе Пастернака, его философии творчества, посвященной его знаменитым современникам – Льву Толстому, Владимиру Маяковскому, Марине Цветаевой.

Ключевые слова: Пастернак, философия, литература, культурная идентичность, «русское северянство», творчество

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. Россия как «Север»: проблемы цивилизационной идентичности в философии Бориса Пастернака (к 130-летию со дня рождения) // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 2. С. 5–18.

И холодно было младенцу в вертепе...

Борис Пастернак «Рождественская звезда»

Пастернак вышел в жизнь в январский мороз –
и так и остался «январским юношей»...

Андрей Вознесенский

Предисловие

В философско-исторических исследованиях последних двух столетий Россию принято трактовать как *особое пространство между Западом и Востоком*. Вариации в осмыслении этого феномена весьма многообразны

и порождают, в свою очередь, всё новые волны дискуссий: «цивилизационный мост между Западом и Востоком» (апологетическая версия); «дурной синтез Запада и Востока» (критическая версия); «Запад на Востоке, самая восточная часть Запада»; «Восток на Западе, самая западная часть Востока» и т.д.

Между тем в последние годы в русской историософии появились работы, актуализирующие очень влиятельную, а временами и доминировавшую во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. (т.е. в периоды правления Екатерины II, Павла I и Александра I), *принципиально иную* концепцию российской идентичности – «Россия как Север»¹. Зародившись как полуофициальная доктрина в сочинениях самой императрицы Екатерины Великой и ее ближайшего сподвижника, канцлера, графа Никиты Панина², концепция «русского северянства» получила блистательные литературные воплощения в «Истории государства Российского» историка Николая Карамзина³, в героических одах поэта Гавриила Державина⁴, а затем в поэтическом творчестве молодой литературной плеяды – князя Петра Вяземского⁵, Антона Дельвига, Александра Пушкина⁶.

«Русское северянство» оставалось частью отечественного официоза и в годы Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии 1812–1814 гг. В тогдашней российской пропаганде вторгшийся в Россию Наполеон Бонапарт (как известно, корсиканец по происхождению) интерпретировался как *южный* диктатор-варвар, узурпировавший власть на «Западе» (сначала во Франции – и далее во всей Европе), а затем вероломно напавший на «Север» – Россию. Победа русского императора Александра I над корсиканцем Бонапартом трактовалась как победа «цивилизованного Севера» (освободившего заодно и ослабевший в результате разрушительных внутренних революций «Запад») над «варварским Югом»...

Однако во времена императора Николая I, с изменением геополитических и идеологических приоритетов, идеи «русского северянства» постепенно сошли с авансцены, уступив место новой парадигме «Россия между

¹ Кара-Мурза А.А. Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г.Р. Державин // Философские науки. 2016. № 11. С. 121–134.

² Классик русского золотого века, кн. П.А. Вяземский, в одной из записок 1861 г., написанной на французском языке, называл годы интеллектуального альянса Екатерины и Панина «самыми русскими» в многовековой истории России: «Общество, хотя и увлекалось блеском, обаянием и, признаемся, зачастую даже уклонениями европейской цивилизации (les écarts de la civilisation Européenne – франц.), носило, однако, в себе живой элемент своей национальности и, сравнительно с тем, чем оно стало впоследствии, – было более русским» (Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. VII. СПб., 1882. С. 73).

³ Кара-Мурза А.А. Тяжба о Карамзине: юбилейные заметки // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 106–110; Кара-Мурза А.А. Николай Михайлович Карамзин: между либерализмом и консерватизмом // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения. М., 2016. С. 9–19; Kara-Murza A.A. Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler // Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. No. 6. P. 410–421.

⁴ Кара-Мурза А.А. Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 187–194; Kara-Murza A.A. Gavriil Derzhavin on Russian Civilization: Russia as «The North» // Russian Studies in Philosophy. 2018. Vol. 56. No. 3. P. 88–98.

⁵ Кара-Мурза А.А. «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 187–194.

⁶ Кара-Мурза А.А. Поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал / Philosophy Journal. 2016. Т. 9. № 2. С. 54–65.

Западом и Востоком» с ее противостоянием отечественных «западников» и русских «самобытников» (славянофилов).

Между тем отголоски «русского северянства» были слышны, иногда весьма отчетливо, в русской литературе и второй половины XIX, и первой половины XX вв. К примеру, у Ивана Тургенева (которого за могучий рост и великий талант на Западе называли «северным гигантом»)⁷, в поэзии «Северянского века» (например, у Игоря Северянина или Александра Блока), в литературе русской пореволюционной эмиграции (у Михаила Осоргина, Бориса Зайцева и др.).

Борис Пастернак: генезис «северного» мироощущения

Борис Леонидович Пастернак (1890–1960), выпускник философского отделения Московского университета, проучившийся летний семестр 1912 г. в неокантианском Марбурге у Германа Когена, Пауля Наторпа, Эрнста Кассирера, Николая Гартмана, всю жизнь считал себя «зимним человеком» или иначе – «русским северянином». И это несмотря на то, что его родители – художник Леонид Осипович Пастернак и пианистка Розалия Исидоровна Кауфман, евреи из Одессы, лишь незадолго до его рождения переехали в Москву. Более того, сам этот факт является свидетельством того, как русско-еврейские интеллигенты старались обрести, преодолевая огромные трудности, свою новую «обетованную землю» – на московско-петербургском «Севере»...

В 1913 г., в своем первом поэтическом сборнике «Близнец в тучах», Пастернак прямо противопоставил свою холодную и строгую «северную» идентичность слишком ясному (в смысле – беспроблемному) «южному» умознанию:

Под ясным небом не ищите
 Меня в толпе приветных муз.
 Я севером глухих наитий
 Самозабвенно обоймусь...⁸

В 1928 г., существенно переработав это свое раннее стихотворение (по первой строке – «Встав из грохочущего ромба...»), Пастернак несколько иначе высказал свое литературно-философское кредо:

Под ясным небом не ищите
 Меня в толпе сухих коллег.
 Я смок до нитки от наитий,
 И север с детства мой ночлег⁹.

⁷ Кара-Мурза А.А. Рим Ивана Тургенева (1840) // Философские науки. 2018. № 7. С. 124–142; Kara-Murza A.A. Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev's trip to Rome // Russian Studies in Philosophy. 2018. Vol. 56. No. 5. P. 434–443.

⁸ Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. 1912–1931 // Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. М., 1989. С. 432. Пастернак здесь на свой лад воспроизводит «архетипическую» в нашей литературе оппозицию «Север/Юг», представленную, например, в «цивилизационном» споре Шубина и Берсенева из романа И.С. Тургенева «Накануне» (1860). Там, к примеру, идет речь о принципиальной оппозиции «нежных греков» – и «толстокожих скифов», «античных нимф» – и «северных русалок» и т.п. (см. подробнее: Кара-Мурза А.А. Рим Ивана Тургенева (1840). С. 128–129).

⁹ Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. 1912–1931. С. 59. В одном из черновиков эта строфа выглядит так: «Под ясным небом не ищите // Меня погожею порой, // Я смог до нитки от наитий // И север – облик мой второй» (Там же. С. 641).

И далее, в отличие от варианта 1913 г., Пастернак посчитал важным расшифровать принципиальное для себя понятие «север»:

Он весь во мгле и весь – подобье¹⁰
 Стихами отягченных губ,
 С порога смотрит исподлобья,
 Как ночь, на объясненья скуп¹¹.

Согласно авторитетному мнению академика-литературоведа М.Л. Гаспарова и его соавтора, пастернаковеда К.М. Поливанова, логика авторской переработки стихотворения «Встав из грохочущего ромба...» такова: если в сборнике «Близнец в тучах» (1913) лирический герой – это «поэт, причастившийся вдохновению севера»¹², то герой сборника «Начальная пора» (1928) – это уже «олицетворенный Север, говорящий словами поэта»¹³. Гаспаров и Поливанов абсолютно правы: для Пастернака именно «приобщение к природе, северной, ненастной, рождает творчество»¹⁴.

Изучая вопрос о культурной самоидентификации Б.Л. Пастернака невозможно, конечно, обойти вниманием и цикл его стихотворений 1919 г., имеющий принципиально «философский» заголовок – «Заняты философияей». Именно там можно найти, к примеру, пастернаковское «определение поэзии» (в одноименном стихотворении) – предельно «северянское»:

Это – щелканье сдавленных льдинок,
 Это ночь, ледящая лист...¹⁵

И столь же «нордически», с ледяными нотками, звучит пастернаковское «определение творчества» (из одноименного стихотворения 1919 г.):

...В саду, где из погреба, со льду,
 Звезды благоуханно захалялись...¹⁶

Как и когда зародилось в Пастернаке это мироощущение? Младший брат Бориса Леонидовича, Александр Пастернак (1893–1982), известный архитектор, написал воспоминания, которые, между прочим, доказывают, что и сам он, как его брат, также был абсолютным «северянином». Литературно-исследовательский посыл мемуариста последователен и крайне любопытен: «Если историки культуры, историки этнографии и этнологии находят – и справедливо! – в масках, в обрядах, в пещерных и наскальных рисунках прямое отражение охотничьей, военной, ритуальной или семейной жизни аборигенов, стоящих на примитивном уровне развития, – то почему не допустить того же и в играх детей (курсив мой. – А.К.), то есть подобного “отражения” окружающей их среды? Вероятно, и наши (т.е. с братом Борисом. – А.К.) тогдашние игры, в таком понимании, что-то несомненно “отражали”»¹⁷.

¹⁰ «Подобье» – излюбленное понятие марбургского неокантианства. В черновом варианте было: «Он весь в снегу и весь подобье...».

¹¹ Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. 1912–1931. С. 59. В одном из черновики 1928 г. последние две строчки звучали еще более радикально в формулировании оппозиции «Север/Юг»: «Он юг встречает исподлобья // И на слова, как гордость, скуп». См.: Гаспаров М.Л., Поливанов К.М. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария. М., 2005. С. 67.

¹² Гаспаров М.Л., Поливанов К.М. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака. С. 67.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 64.

¹⁵ Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. 1912–1931. С. 134.

¹⁶ Там же. С. 137.

¹⁷ Пастернак А.Л. Воспоминания. München, 1983. С. 25.

В этой связи Александр Пастернак вспоминает о своих с Борисом детских играх: «Из невероятного количества их мне хорошо запомнилась одна... Игра называлась “К Северному полюсу”»¹⁸. Суть игры состояла в следующем: «Четверо отважных – Нансен, Пири, Андрэ и Скотт – с трудом преодолевали препятствия. Четыре небольших оловянных фигурки: “Фрам” (корабль Нансена. – А.К.), два воздушных шара с гондолами в цветах национальных флагов Пири и Андрэ, а вот четвертую я как-то не помню – то ли собака, то ли нарты Скотта»¹⁹. «Историю каждого путешественника, – продолжает А.Л. Пастернак, – мы уже хорошо знали и, каждому сочувствуя, играли серьезно и не гогоча. К “Фраму” я испытывал почему-то наибольшее чувство, а то, что он был “затерт льдами”, звучало в моих ушах особо погрёбально...»²⁰

Образы дирижабля шведа Соломона Андре и корабля норвежца Фригтофа Нансена появляются у Бориса Пастернака в стихотворном цикле «Разрыв» (1919) из сборника «Темы и вариации» – как метафоры человеческого подвига и страдания:

Мой друг, мой нежный, о, точь-в-точь как ночью,
в перелете с Бергена на полюс,
Валящим снегом с ног гагар сносимый жаркий пух,
Клянусь, о нежный мой, клянусь, я не неволюсь,
Когда я говорю тебе – забудь, усни, мой друг.
Когда, как труп затертого до самых труб норвежца (Нансена. – А.К.),
В веденьи зим, не движущих заиндевелых мачт...²¹

Становление и эволюция самосознания Пастернака блестяще описаны им самим в поздних мемуарах «Люди и положения». Согласно этому литературному источнику, юный Боря Пастернак помнил себя примерно с пятилетнего возраста, а точнее – с одной зимней ночи конца 1894 г.

Тогда поздно вечером 23 ноября (5 декабря) в московской квартире Пастернаков на Мясницкой улице давали небольшой концерт «для своих». Играло трио: мать Пастернака – талантливая пианистка и два друга семьи из числа профессоров Московской консерватории – Иван Гржимали (скрипка) и Анатолий Брандуков (виолончель). В тот вечер в квартиру Пастернаков в числе других гостей пришел и большой поклонник музыки, писатель Лев Толстой с дочерьми Татьяной и Марией²². Среди прочего, было исполнено знаменитое «трио» особо почитаемого присутствующими и умершего год назад композитора Петра Чайковского. Наложило свой отпечаток на атмосферу в московской квартире Пастернаков и то печальное обстоятельство, что в близившемся к концу 1894 г. случились еще две тяжелых утраты: ушли из жизни близкие друзья дома – художник Николай Ге и музыкант Антон Рубинштейн...

Вот эту загадочную связь русской зимы с трагическим мироощущением, передаваемым через чудесную музыку, доносившуюся из родительской гостиной, и почувствовал спящий в соседней комнате маленький Боря Пастернак. В конце жизни, вспоминая свои детские ночные ощущения 1894 г.,

¹⁸ Пастернак А.Л. Воспоминания. С. 28.

¹⁹ Там же. С. 28–29.

²⁰ Там же. С. 29.

²¹ Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. 1912–1931. С. 197.

²² Родионов Н.С. Москва в жизни и творчестве Л.Н. Толстого. М., 1948. С. 125.

Пастернак напишет в автобиографическом очерке «Люди и положения»: «Ту ночь я прекрасно помню. Посреди нее я проснулся от сладкой, щемящей муки, в такой мере ранее не испытанной»²³. Ребенок закричал и заплакал от тоски и страха: «Но музыка заглушала мои слезы, и только когда разбудившую меня часть трио доиграли до конца, меня услышали»²⁴. (В романе «Доктор Живаго» Пастернак потом опишет, как щемящее душу трио Чайковского исполнялось в вымышленном московском доме братьев Громеко в снежном январе 1906 г.²⁵)

Мать вынесла тогда плачущего ребенка к гостям: «Гостиная была полна табачного дыма. Мигали ресницами свечи, точно он [дым] ел им глаза»²⁶. Тема горящей в зимней ночи свечи станет впоследствии любимой метафорой Пастернака-поэта. В первую очередь вспоминаются строчки одного из стихотворений Юрия Живаго («Зимняя ночь») из знаменитого романа:

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела²⁷.

«Отчего же я плакал и так памятно мне мое страдание? – спрашивал себя, вспоминая зимнюю ночь 1894-го года, Борис Пастернак. – К звуку фортепиано в доме я привык; тембры струнных, особенно в камерном соединении, были мне непривычны и встревожили – как действительные, в форточку снаружи донесшиеся зовы на помощь и вести о несчастье»²⁸. «Эта ночь межевою вехой пролегла между беспомытностью младенчества и моим дальнейшим детством. С нее пришла в действие моя память и зароботало сознание... Как у взрослого»²⁹.

Пастернак считал, что именно с той зимней ночи он поверил в существование «высшего героического мира, которому надо служить восхищенно, хотя он приносит страдания»³⁰. Именно тогда он начал осознавать (с годами это чувство всё укреплялось), что сам он «склонен к мистике, суеверию и охвачен тягой к провиденциальному»: «Сколько раз в шесть, семь, восемь лет я был близок к самоубийству. Я подозревал вокруг себя всевозможные тайны и обманы. Не было бессмыслицы, в которую бы я не поверил»³¹.

²³ Пастернак Б.Л. Люди и положения // Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 298–299.

²⁴ Там же. С. 299.

²⁵ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго // Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М., 1990. С. 56.

²⁶ Пастернак Б.Л. Люди и положения. С. 299.

²⁷ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. С. 526.

²⁸ Пастернак Б.Л. Люди и положения. С. 299.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 306.

³¹ Там же.

Борис Пастернак: «северянская» трагедия творчества

Провиденциальную связь зимы, холодного ветра с трагической стороной человеческого существования уже повзрослевший Борис Пастернак снова прочувствовал поздней осенью 1910 г., когда 7 (20) ноября на железнодорожном перегоне Астапово, в квартире начальника станции, скончался бежавший из Ясной Поляны великий Лев Толстой – участник того памятного московского вечера-концерта 1894 г. Отец Пастернака, Леонид Осипович, многократно рисовавший Льва Толстого на правах друга семьи, был тогда оповещен телеграммой и, взяв с собой сына, немедленно выехал в Астапово. «Мы быстро собрались и отправились на Павелецкий вокзал, к ночному поезду», – вспоминал Борис Пастернак³².

И – поразительная вещь: природа провинциальной России, которую они с отцом наблюдали из окна вагона, природа «России деревенской», «которая кормила небольшую городскую Россию и на нее работала», оказывается, уже преобразилась, о чем городская Москва еще не подозревала. Эта «пахотная Россия», которую для горожан-Пастернаков олицетворял скончавшийся Лев Толстой, в начале ноября уже преобразилась – к зиме! «Землю уже посеребрили первые морозы, и необлетевшее золото берез обрамляло ее по межам, и это серебро морозов и золото берез скромным украшением лежало на ней, как листочки накладного золота и серебряной фольги на ее святой и смиренной старине...»³³

Мистическим образом вернулась зима в уже, казалось, весеннюю Москву 1930 г., когда Судьбе захотелось положить предел запутавшейся жизни поэта Владимира Маяковского – давнего знакомого и когда-то ближайшего друга Пастернака. «Начало апреля застало Москву в белом остолбенении вернувшейся зимы, – вспоминал Пастернак в «Охранной грамоте». – Седьмого стало вторично таять, и четырнадцатого, когда застрелился Маяковский, к новизне весеннего положенья еще не все привыкли»³⁴.

Спустя годы похожая природная метаморфоза, когда наступившая, казалось, весна неожиданно сменяется снежной бурей, случается с героями романа «Доктор Живаго», когда семья Живаго собралась уезжать из большевистской Москвы на Урал, в бывшее имение Варыкино, близ города Юртына: «Настали последние дни марта, дни первого в году тепла... В растворенную форточку тянуло весенним воздухом»³⁵. Наступил уже апрель, и вдруг: «Накануне отъезда поднялась снежная буря. Ветер взметал вверх к поднебесью серые тучи вертящихся снежинок, которые белым вихрем возвращались на землю, улетали в глубину темной улицы и устилали ее белой пеленою»³⁶.

...31 августа 1941 г. в Елабуге покончила с собой уехавшая в эвакуацию с сыном Марина Цветаева. Накануне она должна была по Каме приплыть в Чистополь и присоединиться к ждавшей ее литературной колонии. Бориса Пастернака тогда в Чистополе еще не было – он приедет туда лишь 18 октября, когда там будет уже полная зима.

³² Пастернак Б.Л. Люди и положения. С. 320.

³³ Там же. С. 320–321.

³⁴ Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 235.

³⁵ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. С. 207, 210.

³⁶ Там же. С. 211.

Парадоксально (и чрезвычайно показательно!), но это летнее самоубийство ближайшего друга претворилось у Бориса Пастернака в абсолютно «зимнее» стихотворение «Памяти Марины Цветаевой», задуманное, как свидетельствует сам автор, в 1942 г. на снежном берегу Камы и законченное уже после возвращения из эвакуации, в Москве 25–26 декабря 1943 г.:

Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти,
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести.

Торжество твоего переноса
Я задумывал в прошлом году
Над снегами пустынного плеса,
Где зимуют баркасы во льду³⁷.

В черновой редакции этого стихотворения были еще две строфы, подчеркивавшие фантазмагоричность поэтического замысла: вместо друзей, ожидавших Цветаеву на чистопольской пристани 30 августа 1941 г., на берегу Камы оказывается... сам Пастернак, и все это происходит, разумеется, зимой!

Сумрак веял над снежною степью
Черный, точно разбойничий флаг.
Крыши зданий и яблони в крепе
Были белы, как мебель в чехлах.

Ты б в санях переехала Каму
В час налетчиков и громил.
Пред тобой, как пред Пиковой дамой,
Я б от ужаса лед проломил³⁸.

Стихотворение памяти Цветаевой, которое, по словам Пастернака, выдержано в жанре «реквиема», все пронизано «зимними» деталями:

Зима – как пышные поминки:
Наружу выйти из жилья,
Прибавить к сумеркам коринки³⁹,
Облить вином – вот и кутья.

Пред домом яблоня в сугробе.
И город в снежной пелене –
Твое огромное надгробье,
Как целый год казалось мне⁴⁰.

А в черновом наброске этой части стихотворения 1943 г. «зимняя тема» пастернаковского реквиема звучала еще сильнее:

Я наподобье евхаристий
Под вкус бессмертья подберу
Промерзшие под снегом листья
И мандаринов кожуру.

³⁷ Пастернак Б.Л. Стихотворения. 1931–1959. Переводы // Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 1989. С. 48.

³⁸ Там же. С. 545.

³⁹ В черновике: «В сугробы положить коринки...».

⁴⁰ Там же. С. 49.

И флот речной во льдах затона,
И город на степной земле,
И сад вглухую заметенный,
Как стол или рояль в чехле⁴¹.

...Несомненную для него мистическую связь человеческой трагедии и холодной, ветреной зимы Борис Пастернак многократно подчеркивал, исследуя шаг за шагом нелегкую жизнь и трагическую гибель своего любимого поэта Александра Пушкина, которого, как и себя, тоже считал «человеком зимы», «русским северянином».

Рассказ о северной столице, Санкт-Петербурге, в котором жил, боролся за признание и в итоге погиб Пушкин, дан Пастернаком уже в «Охранной грамоте» – в тотально-зимнем изображении: «Большой, реальный, реально существующий город. В нем зима. В нем рано темнеет, деловой день проходит в нем при вечернем свете... Его надлежало победить, надо было сломить его непризнание»⁴².

Наконец, признание холодного города-призрака, казалось, обретено по-этом: «Его (города. – А.К.) покорность вошла в привычку... В нем мигают огоньки и, кашляя в платки, щелкают на счетах, его засыпает снегом»⁴³.

Но зимний город снова переходит в наступление на художника: «Страшный мир. Он топорщится спинками шуб и санок, он, как гривенник по полу, катится на ребре по рельсам..., валится с ребра в туман, где за ним нагибается стрелочница в тулупе...»⁴⁴

Всё возвращается на круги своя, и конец этому трагическому «северному» коловращению может положить только смерть: «Большой, реальный, реально существующий город. В нем зима, в нем мороз. Визгливый, ивового плетенья двадцатиградусный воздух, как на вбитых сваях, стоит поперек дороги. Всё туманится, всё закатывается и запропащается в нем... Так это смерть?»⁴⁵

Итак, саму идею человеческого существования и творчества Борис Пастернак всю жизнь воспринимал метафорически – как своеобразный прорыв сквозь зимнюю пургу и метель. Уже в ранних мемуарах «Охранная грамота» (1927–1928) неоднократно встречается образ зимней Москвы, трудность существования в которой приходится преодолевать большим волевым усилием: «Цепь бульваров прорезала зимами Москву за двойным пологом почернелых деревьев... На деревьях низко свешивалось небо, и все белое кругом было сине... По бульварам, *нагибаясь, как для боданья* (курсив мой. – А.К.), пробегали бедно одетые молодые люди. С некоторыми я был знаком, большинства не знал, все же вместе были моими ровесниками, т.е. неисчислимыми лицами моего детства»⁴⁶.

В этом фрагменте Пастернак говорит, конечно, обо всем своем поколении: «*Нагибаясь на бегу* (курсив мой. – А.К.), спешили сквозь вьюгу молодые люди, и, хотя у каждого были свои причины торопиться, однако больше

⁴¹ Пастернак Б.Л. Стихотворения. 1931–1959. Переводы. С. 545–546. Невольно приходит на ум, что строки вроде: «где зимуют баркасы во льду...» или: «и флот речной во льдах затона...» – это прямые реминисценции сильнейшего детского переживания о «затертом во льдах норвежце» – полярном путешественнике Нансене.

⁴² Пастернак Б.Л. Охранная грамота. С. 233.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 234.

⁴⁶ Там же. С. 210.

всех личных побуждений похлестывало их нечто общее... А чтобы заслонить от них двойственность бегства сквозь неизбежность, чтобы они не сошли с ума, не бросили начатого и не перевешались всем земным шаром, за деревьями по всем бульварам караулила сила, страшно бывалая и искушенная, и провожала их своими умными глазами. За деревьями стояло искусство, столь прекрасно разбирающееся в нас, что всегда недоумеваешь, из каких неисторических миров принесло оно свою способность видеть историю в силуэте. Оно стояло за деревьями, страшно похожее на жизнь... Какое же это было искусство? Это было молодое искусство Скрябина, Блока, Комиссаржевской, Белого, – передовое, захватывающее, оригинальное»⁴⁷.

Добавим, что жизненная поза: «*нагнувшись, как для боданья*», которую Пастернак символически атрибутирует своему поколению, была, по жизни, характерна для самого Пастернака! На это, в частности, обратил внимание талантливейший из учеников Пастернака, поэт Андрей Вознесенский: «Пастернак – подросток... Однажды в стихах в авторской речи он обозначил свой возраст: “Мне четырнадцать лет”. Раз и навсегда. Как застенчив до ослепления он был среди чужих, в толпе, как, *напряженно бычась, нагибал шею* (курсив мой. – А.К.)!»⁴⁸

Послесловие

Одним из самых дорогих воспоминаний Бориса Пастернака было его юношеское увлечение творчеством гениального композитора-философа Александра Скрябина, а потом и драгоценное личное знакомство с ним. Все врезавшиеся в память московского гимназиста события имели место, конечно, зимой: «Итак, на дворе зима, улица на треть подрублена сумерками... За ней, отставая в вихре снежинок, гонятся вихрем фонари. Дорогой из гимназии имя Скрябина, всё в снегу, соскакивает с афиши мне на закорки. Я на крышке ранца заносу его домой, от него натекает на подоконник...»⁴⁹

В один из январских дней 1906 г., перед отъездом в Италию, Скрябин пришел в московскую квартиру Пастернаков попрощаться: «Он играет, – этого не описать, – он у нас ужинает, пускается в философию, простодушничает, шутит... Приступают к прощанью... Кровавым комком в общую кучу напутствий падает и мое. Всё это говорится на ходу, и возгласы, теснясь в дверях, постепенно передвигаются к передней... Стучит дверь, дважды поворачивается ключ...»⁵⁰

Мать-пианистка, как вспоминал Пастернак в «Охранной грамоте», присела тогда к роялю, пробегая оставленные Скрябиным свежие этюды: «И только первые шестнадцать тактов слагаются в предложение, полное какой-то удивляющейся готовности, ничем на земле не вознаградимой, как я без шубы, с непокрытой головой (курсив мой. – А.К.) скатываюсь вниз по лестнице и бегу по ночной Мясницкой, чтобы его воротить или ещё раз увидеть»⁵¹.

⁴⁷ Пастернак Б.Л. Охранная грамота. С. 211.

⁴⁸ Вознесенский А.А. «И холодно было младенцу в вертепе...» // Вознесенский А.А. На виртуальном ветру. М., 2018. С. 13.

⁴⁹ Пастернак Б.Л. Охранная грамота. С. 151.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 152.

...Спустя полвека, другой московский юноша, четырнадцатилетний школьник (а в будущем – еще один великий русский поэт) Андрияша Вознесенский с трепетом шел в Лаврушинский переулок – к Пастернаку: «Шести-классником, никому не сказавшись, я послал ему стихи и письмо. Это был первый решительный поступок, определивший мою жизнь. И вот он ото-звался и приглашает к себе на два часа, в воскресенье...»⁵²

Была, разумеется, зима: «Стоял декабрь. Я пришел к серому дому в Лаврушинском, понятно, за час. Подождав, поднялся лифтом на темную площадку восьмого этажа. До двух оставалась ещё минута. За дверь, ви-димо, услышали хлопнувший лифт. Дверь отворилась. Он стоял в дверях... Ветер шевелил чёлку... Он стоял на сквозняке...»⁵³

Спустя два часа Андрей Вознесенский, приняв «московско-северянскую» эстафету от мэтра, возвращался домой зимней Москвой, «неся в охапке» дра-гоценные рукописи – машинописную копию первых частей «Доктора Жи-ваго» и тетрадку («сброшюрованную багровым шелковым шнурком») но-вых стихотворений: «Не утерпев, раскрыв на ходу, я глотал запыхавшиеся строчки:

И холодно было младенцу в вертепе...
<...>
Все ёлки на свете, все сны детворы,
Весь трепет затепленных свечек, все цепи...»⁵⁴

Первую из этих строчек – из пастернаковской «Рождественской звезды» 1949 г. – настойчиво вымарывали из ранних, «советских» изданий мемуаров Вознесенского, а само название очерка, вместо аутентичного «И холодно было младенцу в вертепе...», поименовали другой строкой, впрочем, тоже из Пастернака – «Мне четырнадцать лет»...

«Почему он откликнулся мне?» – часто задавался вопросом Вознесенский. «Он был одинок в те годы, отвержен, изнемог от травли, ему хотелось искренности, чистоты отношений, хотелось вырваться из круга – и всё же не только это. Может быть, эти странные отношения с подростком, школь-ником, эта почти дружба что-то объясняют в нём?.. Может быть, он любил во мне себя, прибежавшего школьником к Скрябину?..»⁵⁵

Вознесенский как-то заметил: «Есть художники, отмеченные постоян-ными возрастными признаками. Так, в Бунине и совершенно по-иному в На-бокове есть чёткость ранней осени, они будто всегда сорокалетние. Пастер-нак же вечный подросток... Бунин и Набоков – люди осенние. Пастернак вышел в жизнь в январский мороз – и так и остался “январским юношей”»⁵⁶.

На одну удивительную черту Пастернака очень давно обратил внима-ние приятель его юности, литератор Сергей Бобров: «И вдруг тут в моей жизни появился этот странный юноша, *ходивший по московскому лютному морозу в одном тоненьком плаще* (курсив мой. – А.К.)...»⁵⁷

И если основоположника и классика «русского северянства», Гавриила Державина, мы обычно представляем себе по знаменитой картине итальянца

⁵² Вознесенский А.А. «И холодно было младенцу в вертепе...». С. 8.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 9.

⁵⁶ Там же. С. 13.

⁵⁷ Бобров С. О Б.Л. Пастернаке // Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993. С. 59.

Сальваторе Тончи, где поэт изображен в образе седовласого старца в роскошной собольей шубе на фоне торжественного зимнего пейзажа⁵⁸, то «северный» образ Бориса Пастернака кажется иным: «юноша в тоненьком плаще, выбежавший на лютый московский мороз»...

Но можно представить и другой образ, постарше. Февраль 1942 г. Эвакуация в Чистополе. За окном минус сорок... В переполненном Доме культуры, при тусклом свете двух керосиновых ламп (электричества не было), Пастернак читает свежий перевод «Ромео и Джульетты» Шекспира. На нем черный костюм (тот самый, единственный, в котором его и похоронят) – и... белые валенки.

Список литературы

- Бобров С. О Б.Л. Пастернаке // Воспоминания о Борисе Пастернаке / Ред. Е.В. Пастернак, М.И. Фейнберг. М.: Слово/Slovo, 1993. С. 59–66.
- Вознесенский А.А. «И холодно было младенцу в вертепе...» // Вознесенский А.А. На виртуальном ветру. М.: Центрполиграф, 2018. С. 8–41.
- Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. VII. СПб.: Типография Стасюлевича, 1882. 520 с.
- Гаспаров М.Л., Поливанов К.М. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария. М.: РГГУ, 2005. 143 с.
- Кара-Мурза А.А. Николай Михайлович Карамзин: между либерализмом и консерватизмом // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. С. 9–19.
- Кара-Мурза А.А. Тяжба о Карамзине: юбилейные заметки // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 106–110.
- Кара-Мурза А.А. Поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал / Philosophy Journal. 2016. Т. 9. № 2. С. 54–65.
- Кара-Мурза А.А. Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г.Р. Державин // Философские науки. 2016. № 11. С. 121–134.
- Кара-Мурза А.А. Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 187–194.
- Кара-Мурза А.А. Рим Ивана Тургенева (1840) // Философские науки. 2018. № 7. С. 124–142.
- Кара-Мурза А.А. «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 187–194.
- Пастернак А.Л. Воспоминания. München: Wilhelm Fink Verlag, 1983. 298 с.
- Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1989–1992.
- Родионов Н. Москва в жизни и творчестве Л.Н. Толстого. М.: Московский рабочий, 1948. 68 с.
- Kara-Murza A. Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler // Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. No. 6. P. 410–421.
- Kara-Murza A.A. Gavriil Derzhavin on Russian Civilization: Russia as «The North» // Russian Studies in Philosophy. 2018. Vol. 56. No. 3. P. 88–98.
- Kara-Murza A.A. Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev's trip to Rome // Russian Studies in Philosophy. 2018. Vol. 56. No. 5. P. 434–443.

⁵⁸ См.: Кара-Мурза А.А. «Русское северянство» князей Вяземских. С. 12.

Russia as the “North”: problems of civilizational identity in the philosophy of Boris Pasternak (dedicated to the 130th anniversary of birth)

Alexei A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

The article examines the genesis and evolution of the cultural and civilizational self-identification of the largest poet of the Russian twentieth century, Boris Leonidovich Pasternak (1890–1960). Building on the analysis of numerous materials, the author provides a proof that Boris Pasternak was formed as a “Nordic Russian”. Pasternak continued the fruitful line of the Russian cultural tradition that ran from Catherine’s era (Derzhavin) – through the Golden age of the Russian culture (Vyazemsky – Pushkin – Turgenev) to the Russian post-revolutionary literature of the XX century. Pasternak repeatedly confirms his “northernism” in such autobiographical works as “Charter of Protection” and “People and positions”. The “winter theme” dominates Pasternak’s poetry and prose as well as his philosophy of creativity dedicated to his famous contemporaries – Leo Tolstoy, Vladimir Mayakovsky, Marina Tsvetaeva.

Keywords: Pasternak, philosophy, literature, cultural identity, “Russian Northernship”, creativity

For citation: Kara-Murza, A.A. “Rossiya kak ‘Sever’: problemy tsivilizatsionnoi identichnosti v filosofii Borisa Pasternaka (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya)” [Russia as the “North”: problems of civilizational identity in the philosophy of Boris Pasternak (dedicated to the 130th anniversary of birth)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 2, pp. 5–18. (In Russian)

References

- Bobrov, S. “O B.L. Pasternake” [About B.L. Pasternak], *Vospominaniya o Borise Pasternake* [Memories on Boris Pasternak], ed. by E.V. Pasternak and M.I. Feinberg. Moscow: Slovo/Slovo Publ., 1993, pp. 59–66. (In Russian)
- Voznesenskii, A.A. “‘I kholodno bylo mladentsu v vertepe...’” [‘And the baby was cold in the cradle...’], in: A.A. Voznesenskii, *Na virtual’nom vetru* [In the Virtual Wind]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2018, pp. 8–41. (In Russian)
- Vyazemskii, P.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. VII. St. Petersburg: Tipografiya Stasyulevicha Publ., 1882. 520 pp. (In Russian)
- Gasparov, M.L. & Polivanov, K.M. *‘Bliznets v tuchakh’ Borisa Pasternaka: opyt kommentariya* [‘Twin in the Clouds’ of Boris Pasternak: Comment Experience]. Moscow: RGGU Publ., 2005. 143 pp. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Rossiya kak ‘Sever’. Metamorfozy natsional’noi identichnosti v XVIII–XIX vv.: G.R. Derzhavin” [Russia as the ‘North’. Metamorphoses of National Identity in the Late 18th – Early 19th Centuries: G.R. Derzhavin], *Filosofskie nauki*, 2016, No. 11, pp. 121–134. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Nikolai Mikhailovich Karamzin: mezhdru liberalizmom i konservatizmom” [Nikolai Mikhailovich Karamzin between Liberalism and Conservatism], *Nikolai Karamzin i istoricheskie sud’by Rossii. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya* [Nikolai Karamzin and the Historical Fate of Russia. For the 250th Anniversary of the Birth], ed. by A.A. Kara-Murza, V.L. Sharova and A.F. Yakovleva. Moscow: Akvilon Publ., 2016, pp. 9–19. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Poema ‘Mednyi vsadnik’ A.S. Pushkina: politiko-filosofskie proektsii” [Pushkin’s Poem ‘The Bronze Horseman’ and its Politico-philosophical Implications], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2016, Vol. 9, No. 2, pp. 54–65. (In Russian)

- Kara-Murza, A.A. "Tyazhba o Karamzine: yubileinye zametki" [The Karamzin Debate: Anniversary Notes], *Voprosy filosofii*, 2016, No. 12, pp. 106–110. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler", *Russian Studies in Philosophy*, 2017, Vol. 55, No. 6, pp. 410–421.
- Kara-Murza, A.A. "Kontsepsiya 'russkogo severyanstva' v geroicheskikh odakh G.R. Derzhavina (k voprosu o rossiiskoi identichnosti)" [The Concept 'Russia as The North' in the Heroic Odes of G.R. Derzhavin (On the Issue of Russian Identity)], *Politicheskaya kontseptologiya*, 2017, No. 3, pp. 187–194. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "Gavriil Derzhavin on Russian Civilization: Russia as 'The North'", *Russian Studies in Philosophy*, 2018, Vol. 56, No. 3, pp. 88–98.
- Kara-Murza, A.A. "Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev's trip to Rome", *Russian Studies in Philosophy*, 2018, Vol. 56, No. 5, pp. 434–443.
- Kara-Murza, A.A. "Rim Ivana Turgeneva (1840)" [Ivan Turgenev's Rome (1840)], *Filosofskie nauki*, 2018, No. 7, pp. 124–142. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "'Russkoe severyanstvo' knyazei Vyazemskikh (k voprosu o natsional'noi identichnosti)" ['Russian Northernship' of the Princes Vyazemsky (to the Question of National Identity)], *Voprosy filosofii*, 2018, No. 3, pp. 187–194. (In Russian)
- Pasternak, A.L. *Vospominaniya* [Memories]. München: Wilhelm Fink Verlag, 1983. 298 pp. (In Russian)
- Pasternak, B. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 5 Vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989–1992. (In Russian)
- Rodionov, N. *Moskva v zhizni i tvorchestve L.N. Tolstogo* [Moscow in the Life and Work of L.N. Tolstoy]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1948. 68 pp. (In Russian)